

Воронович Н. «Беспощадный» писатель // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 24 января. № 17111. С. 3, 8.

„Беспощадный“ писатель

В метрической книге Таганрогского Александро-Невского собора, вероятно теперь исчезнувшей, на первых страницах записей бракосочетавшихся, крещенных и погребенных в 1860 году значится:

«1860 года, января 17-го дня рожден, а 27-го того же месяца крещен младенец Антоний. Родители его: таганрогский третий гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и его законная жена Евгения Яковлевна».

Со времени этой записи прошло сто лет, срок немалый, за который обычно исчезают все следы жившего когда то человека, поскольку он не проявил себя в науке и искусстве или не совершил выдающихся военных и гражданских подвигов.

Но есть люди, давно ушедшие в лучший мир, память о которых живет не сто, а несколько сот лет и о которых потомки вспоминают с таким же теплым чувством, с каким отзывались о них современники.

Таким выдающимся из сотен миллионов наших соотечественников, является и — родившийся сто лет назад Антон Павлович Чехов.

Немногие писатели обладали таким чутьем, таким даром изображать ярко и правдиво русский быт и незаметных маленьких русских людей, как А. П. Чехов.

Не говоря уже о плеяде больших поэтов и писателей, возглавлявшихся А. С. Пушкиным, русская литература была не менее иностранной богата такими художниками пера, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и рядом их духовных наследников, из которых многие, хорошо известны читающей публике Западной Европы и Северной Америки, пережили первую мировую войну и тяжелые годы революции и эмиграции. Но, несмотря на талантливость этих писателей, редко кому из них удалось достичь той жизненной правды и простоты, которыми отличаются все произведения Чехова.

Романов и больших повестей Чехов после себя не оставил. Но его маленькие рассказы и короткие повести содержательнее многотомных романов. И не только рядовые читатели восьмидесятых и девятых годов прошлого столетия, не пропускавшие ни одного появлявшегося тогда в газетах и журналах фельетона и рассказа популярного писателя, любили А. П., плакали и смеялись над житейскими невзгодами и маленькими радостями его героев, но и такие корифеи русской литературы, как Толстой, высоко ценили талант скончавшегося в самом расцвете своего творчества художника:

— Чехов — это Пушкин в прозе, сказал, прочитав чеховскую «Степь», Л. Н. Толстой. Безотрадное детство и юношество писателя отразились на многих его произведениях, в которых просвечивает тихая грусть и говорится о запавших в память юности жизненных драмах и тяжелых переживаниях бедняков.

О «мрачности» Чехова говорили и некоторые большие пи-

сатели, в том числе покойный И. А. Бунин, искренне любивший А. П. и пользовавшийся взаимностью того, кто, якобы, описывал самые темные стороны жизни. Из отзывов этих критиков наиболее верной является характеристика Шестова, назвавшего Чехова «беспощадным писателем».

Таким — не мрачным и скучным, а именно беспощадным и был Антон Павлович. И беспощадность его выражалась в том, что, как об этом не раз говорил сам писатель, в своих произведениях он хотел прямо и честно сказать людям:

— Посмотрите, как вы плохо и скучно живете!

И Чехов беспощадно клеймил этих скучных и плохо живущих обывателей, останавливаясь на мелочах русской действительности, мимо которых, не замечая их, проходили другие писатели, особенно «нездравившие в третьем классе», а по этому несоприкасавшиеся близко с народом и не знавшие его.

Жизненные драмы, изображенные в «Дуэли», «Овраге», «Убийстве», «Палате номер шесть» и других «мрачных» повестях Чехова взяты из жизни, а не выдуманы, герои этих повестей — жившие в действительности люди и переживания их просты и понятны. Можно ли требовать от писателя, изображающего подлинную жизнь, чтобы он обходил ее темные стороны и говорил только о светлом и радостном? И, если бы Чехов избегал мрачных тем, он прошел бы мимо русской действительности и никогда не стал бы тем правдивым бытописцем, каким справедливо считали и считают его современники и почитатели.

А что Чехов не только не был мрачным нытиком, но напротив — веселым и жизнерадостным человеком, свидетельствуют все его современники, особенно те, кто наблюдал его в домашней, семейной обстановке.

Артист Орленев, пользовавшийся благоволением А. П. и часто обедавший у него на Ялтинской даче, рассказывает в своих воспоминаниях, как Чехов любил анекдоты из актерской жизни. Любимым чеховским анекдотом был рассказ о «Сантуринском квасе», которым после попойки «поправлялись» ялтинские актеры. В квасе этом было намешано столько всяких специй, что пить его можно было только втроем: один «поправлялся», а двое держали пьющего за голову, до того он был свиреп!

И как только мать А. П. — Евгения Яковлевна — подавала на стол бутылку хлебного кваса, Чехов вскакивал, начинал хохотать, вспоминал и рассказывал гостям орленевский анекдот.

Да и в «мрачных» чеховских повестях часто проглядывает смягчающий их юмор, как, например, в «Дуэли» в ярком образе «деда Тарантула» — доктора доктора Самойленко.

Как и многих больших писателей и художников, Чехова не сразу оценили современники. Первые его (и как раз юмористические) рассказы появились в маленьких журнальчиках — «Будильнике» и «Осколке»,

чужд и непонятен иностранцам, тогда как чеховские драмы, в особенности «Чайка», напоминают им быт собственный.

Но не только иностранцы, а и многие русские люди, родившиеся после революции Чехова не знают. Они говорят, что писатель этот устарел, повести его и рассказы им непонятны, а поэтому — не интересны.

Так ли это? Конечно, старый русский быт молодому русскому поколению так же чужд, как и иностранцам. И такие рассказы, как «Экзамен на чин» или «Тайный советник» для них действительно являются устаревшими. Но большинство других высокохудожественных произведений Чехова и до сих пор представляют одинаковый интерес, как для стариков, так и для молодежи.

Кто хочет понять и оценить Чехова, тот прежде всего должен прочесть его «Степь». Кому из писателей удалось так красочно описать русскую природу, как Чехову, в этой замечательной повести? Бесконечная, растилающаяся на сотни верст степь, на которой пасутся охраняемые «чабанами» и алыми овчарками отары овец, широкий «сылх», по которому медленно ползет обоз с шерстью, степная речка в которой купаются и ловят рыбу подводчики, и разразившаяся ночью над обозом гроза запечатлены Чеховым, как на полотне, с редкой художественной сочностью.

А разве персонажи «Степи» — Егорушка, его дядя — коммерсант Иван Иванович, самородок — миллионер Варламов, отец Христофор — типичный старый батюшка, искренне верующий в Бога и одиозно любящий всех людей, как своих православных прихожан, так и иноверцев — евреев, содержатель постоялого двора еврей Моисей Моисеевич и его гордый брат Соломон, несгибающийся ни перед своими фанатиками — единоверцами, ни перед миллионером Варламовым — не являются типичными людьми, которых, правда в другой обстановке и в других ролях, можно встретить и теперь в любой стране?

Не является ли и «Душечка» часто встречающимся в наши дни типом простодушной, недалекой, но доброй и сердечной женщины, впитывающей в себя все идеалы, мысли и стремления ставших ей близкими мужчин?

И, наконец драма «В овраге», в семье богатого торговца, женившего своего преступного сына на красивой, но бедной девушке, сына которой уморила другая сноха старика — бездетная Аксинья, не является ли повестью, правдивой даже для современной Америки?

Но чтобы не только понять, а и полюбить Чехова — нужно прочесть те его маленькие рассказы, в которых нет ни веселья, ни драматических переживаний, но которые до края полны любовью и жалостью к незаметным маленьким людям.

Можно ли пройти равнодушно мимо старика извозчика Ионы, подавленного свалившимся на него горем — смертью единственного сына — и тшетьно ищущего какогонибудь сердобольного слушателя, с которым он мог бы поделиться своим большим горем?

(Окончание на 8 стр.)

Остальной материал об А. П. Чехове — на 8 странице

«БЕСПОЩАДНЫЙ» ПИСАТЕЛЬ

(Начало на 3 стр.)

И так как ни среди случайных седоков, ни среди извозчиков и ночующих на постоялом дворе рабочих, старик не находит человека, который хотя бы терпеливо его выслушал, извозчик идет в конюшню поговорить со своей лошадейю.

«Так то, брат кобылочка, шепчет старик обвиняя животное: нету Кузьмы Ионыча, при казал долго жить...»

Таким-же задушевым и вызывающим понятное сострадание является и рассказ «Ванька» — о привезенном из деревни в город на учебу к сапожнику мальчишке-сироте. Измученный непосильной работой, недоеданием и побоями хозяина, Ванька, с трудом научившийся каракулями изображать печатные буквы, пишет своему оставшемуся в деревне единственному родственнику — дедушке Константину Макарычу:

«Сделай Божецкую милость, милый дедушка, возьми меня отсюда домой»...

И, написав на конверте адрес «На деревню, дедушке Константину Макарычу», уверенный, что письмо его дойдет до дедушки и тот приедет в Москву и заберет его в деревню, Ванька опускает свое послание в почтовый ящик и сладко засыпает, забыв голод и побои...

Все пьесы Чехова — «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и законченный за год до смерти писателя «Вишневый сад» — до сих пор по разному расцениваются театрами и критикой. Но, несмотря на то, что большинство почитателей

А. П. относятся сдержанно к его пьесам, находя гораздо более художественными и понятными чеховские повести, нельзя не заметить и в драматических произведениях писателя той-же жизненной правды и любви к людям, которой проникнуты все его повести и рассказы.

Для тех, кто знает и любит Чехова, произведения этого писателя никогда не устареют и не утратят своей прелести. Их можно снова и снова перечитывать, над ними можно отдыхать. Но, к сожалению, Чехова многие из нас не знают...

Станиславский свои воспоминания о Чехове заканчивает глубоко правдивой фразой:

«Глава о Чехове еще не кончена. Ее еще не прочли, как следует, не вникли в ее существо и преждевременно закрыли книгу. Пусть же ее вновь раскроют и дочтут до конца»...

Слова эти должны быть отнесены прежде всего к тем русским читателям, которые только поверхностно познакомились с Чеховым, не заметили ярких красок его художественного мастерства и не поняли жизненной правды его произведений. Пусть-же теперь, когда вся русская и иностранная литература отмечают сотую годовщину рождения одного из самых талантливых русских писателей, они еще раз перечитают и «дочитают до конца» Чехова. И тогда они не смогут не полюбить этого чудесного и близкого всем нам художника...

Н. Воронович